

ОБ АРХИТЕКТУРЕ КРЕПОСТНЫХ СООРУЖЕНИЙ МОЛДАВИИ

(Армянские параллели)

А. Х. ТОРАМАНЯН (Кишинев)

Непосредственное знакомство со множеством памятников архитектуры Молдавии, а также с памятниками, упоминаемыми в некоторых трудах по древнемолдавской архитектуре, позволило выявить черты, имеющие близкую или отдаленную аналогию с теми чертами, которые встречаются на древних памятниках зодчества отдельных районов Ближнего Востока, в частности Закавказья и Киликийской Армении. О некоторых таких чертах, нашедших отражение в оборонительном зодчестве Молдавии, говорится в данной статье.

Небезынтересно будет привести здесь высказывания хронистов и ряда современных ученых по поводу происхождения некоторых крепостей в феодальной Молдавии XV—XVI вв.

Так, хронист XVII в. Мирон Костин считает, что Белгород-Днестровская крепость была построена даками¹, а известный историк и ученый молдавский господарь Дмитрий Кантемир, рассматривая крепости Молдавии, отмечает, что они были возведены мастерами римского происхождения². И, наконец, хронист Мисаил Кэлугэрул считает, что крепости Белгорода-Днестровского и Килии были построены генуэзцами³.

Современные исследователи (например, румынский историк Николай Йорга) отмечают сходство архитектур круглых цитаделей Киликийской Армении с крепостью Нямц; армянские цитадели, по его мнению, являются как бы имитацией сирийских цитаделей⁴.

П. Константиnescу-Яшь отмечает, что в архитектуре крепостей Нямц и в Белгороде-Днестровском заметно армяно-грузинское влияние⁵. Г. Ионеску пишет, что «как правило, молдавская крепость по месту расположения и системе обороны не отличается от любой византийской крепости»⁶. В другой работе по истории архитектуры Румынии он упоминает, что когда крепость в Белгороде-Днестровском перешла в 1421 г. в руки молдаван, господарь Александр Добрый для продолже-

¹ См. Miron Costin, *Cronica tarilor Moldovei și Munteniei*, București, 1958, стр. 222.

² См. Dimitrie Cantemir, *Descriptio Moldaviae*, București, 1872.

³ См. Misail Călugăruș, согл. Const. G. Giurescu, *Târguri sau orașe și cetăți moldovene*, București, 1967.

⁴ См. N. Iorga, *Patru conferințe despre Armeni*, București, 1929, стр. 21, 71.

⁵ См. P. Constantinescu-Iași, *Oprietenie de veacuri*, București, 1957, стр. 32—33.

⁶ G. Ionescu, *Istoria arhitecturii românești*, București, 1937, стр. 391.

ния строительства и реконструкции крепости пригласил мастеров из Подолы⁷.

В. Вэтэшяну, рассматривая архитектурно-художественное убранство лапидарной плиты с надписью на греческом языке крепости в Белгороде-Днестровском, заключает, что, быть может, цитадель была построена армянином или грузином⁸.

Другой румынский автор, Ал. Гусар, полагает, что крепость Нямц имеет родственные связи с крепостями Грузии—Моди-Нахе и Армении—Амберд⁹, а Александр Андроник указывает на то, что исследования последних лет, касающиеся крепостей Нямц и Сучавы, окончательно опровергли несостоятельность утверждения ряда авторов об их тевтонском происхождении¹⁰. Ряд исследователей считает, что цитадель в Бендерах была построена генуэзцами, так как ее архитектура, по их мнению, более характерна для Запада.

Штефан Чобану, обстоятельно изучивший этот памятник, отмечает, что не подтверждается как это мнение, так и то, что памятник построен молдаванами¹¹. В буклете Ю. Валуевой о крепости Белгорода-Днестровского сказано, что основные работы по реконструкции крепости были произведены в период 1438—1454 гг. под руководством мастера Федорки, галичанина по происхождению¹².

В этом отношении, несомненно, ценными являются наблюдения и утверждения авторов, указывающих на сходство ряда молдавских крепостей с восточными, в частности Закавказья и Киликийской Армении. К сожалению, в трудах упомянутых авторов отсутствует сравнительный анализ особенностей этих крепостных сооружений.

Перед тем как провести такой анализ, хотелось бы возвратиться к высказыванию Николая Иорги и прокомментировать его в свете новых материалов. Так, французский исследователь античной и средневековой Сирии Поль Дешамп, изучавший франкские крепости Сирии, обратил внимание на то, что в них наблюдается ряд черт византийской архитектуры¹³.

В византийской архитектуре, в которую до недавнего времени включали архитектуру почти всех районов, прилегающих к Византийской империи, имеются самостоятельные школы, которые были в непосредственной связи между собой, потому что природно-климатические условия,

⁷ См. G. Ionescu, *Istoria arhitecturii în România*, București, 1963, I, стр. 115—116.

⁸ См. V. Vătașianu, *Istoria artei feudale în Tarile Române*, București, 1959, стр. 297.

⁹ См. Al. Husar, *Dincolo de ruine*, București.

¹⁰ См. Alexandru Andronic, *Cercetări arheologice privind curțile domnești și cetățile medievale*, Studii și articole de istorie, București, 1969, XIII, стр. 75.

¹¹ См. Ștefan Ciobanu, *Cetatea Tighina, Comisia de monumente istorice*, Chișinău, 1928, стр. 17.

¹² См. Ю. Валуева, *Белгород-Днестровский фортеця*, Киев, 1968.

¹³ См. R. Dussand, P. Deschamps-Il. Seyrig, *La Syrie antique et medievale illustrée*, Paris, 1931, стр. 14.

материальная основа, этнические особенности народов, населявших эти территории, были также близки. И утверждение П. Дешампа справедливо, когда он говорит, что в крепостных сооружениях франков в Сирии могли отразиться особенности зодчества не Запада, а черты зодчества соседних народов — армян, греков, грузин. Дешамп, в частности, нашел знаки на камнях одной из крупнейших крепостей Иоаннитов-госпитальеров (Крак-де-Шевалье, XII в. в Сирии), повторяющие знаки на армянских памятниках, что свидетельствует об участии армянских мастеров в возведении этой крепости¹⁴.

Можно полагать, что близость черт армянских и сирийских крепостных сооружений вытекает из заимствования одних и тех же черт, хотя в некоторой степени и переработанных, исходя из различных условий, необходимых для осуществления замысла. Видеть в армянских крепостных сооружениях Киликии лишь имитацию сирийских является, на наш взгляд, неверным, и такое утверждение Николая Пюрги нельзя признать удовлетворительным.

Сравнительный анализ позволяет выявить ряд черт, сближающих крепости Молдавии и прилегающих стран, а также Закавказья и Киликии, чьи оборонительные сооружения, в силу их множества, разнообразия, неприступности и мастерства возведения, не могли оставаться вне поля зрения государей Молдавии.

Как выбор территории, так и конфигурация крепостных сооружений на Днестре, особенно Хотина, Бендер и Белгорода-Днестровского, а также Старого Орхеля на реке Реут, в значительной мере определяют природные условия. Все они расположены на высоких берегах рек.

Аналогичные сооружения, расположенные на возвышенных местах, могут иметь в качестве естественной защитной среды только эту возвышенность. Однако и те, и другие объединяет одна защитная искусственная среда — глубокий и широкий ров, иногда облицованный камнем, устроенный вне периметра наружных стен крепостных сооружений.

Анализ степени развития структуры крепостных сооружений вообще и в частности Молдавии показывает, что определяющим элементом застройки крепостного комплекса является цитадель, вокруг которой строится целый ряд зданий и сооружений различного назначения. В свою очередь цитадель отделяется от территории крепости также рвом.

Если форма территории всей крепости обычно бывает разнообразной, то территория, занятая цитаделью, всегда, как правило, имеет почти геометрическую форму. Таковы все цитадели упомянутых крепостей, в том числе и Старого Орхеля¹⁵.

¹⁴ См. P. Deschamp, *Le crac de Chevaliers*, Paris, 1934, стр. 240—250 (см. О. Х. Халпахчьян, Средневековое зодчество Армении и его значение в истории мировой архитектуры, «Историко-филологический журнал», 1968, № 4, стр. 55).

¹⁵ Г. Д. Смирнов, Археологические исследования Старого Орхеля, «Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР», вып. 56, 1954. По исследованиям Г. Н. Логвина, первоначальная схема Хотинской цитадели (XIII в.) пред-

Хотя цитадели подобной формы встречаются и в западноевропейском зодчестве, все же нужно отметить, что они особенно характерны для Востока.

В этом можно видеть непосредственную связь архитектуры и феодальной Молдавии и стран Востока. Наличие в странах Востока, и в частности Закавказья и Киликийской Армении, большого количества подобных крепостных сооружений дает основание заключить, что появление таких цитаделей в Молдавии свидетельствует о ее связях с этими странами.

Рассмотрим отдельные элементы крепостей и цитаделей Молдавии, имеющих оборонное, конструктивное и, быть может, символическое значение, в их взаимосвязи с аналогичными элементами крепостей вышеуказанных районов Ближнего Востока.

Речь пойдет о башнях и контрфорсах крепостей или их цитаделей (рис. 1).

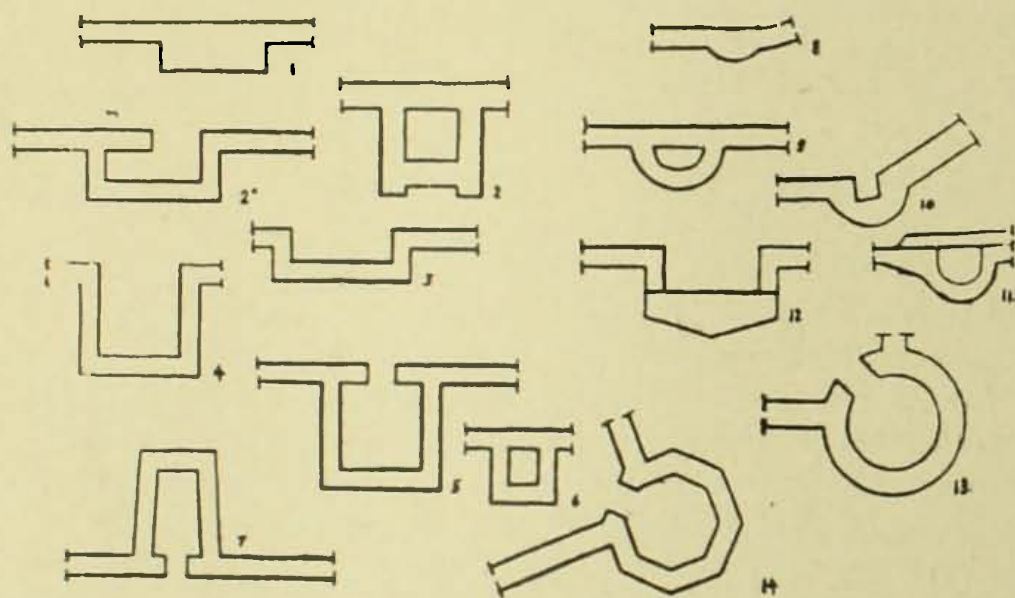

Рис. 1. Схемы планов башен и контрфорсов.

Большое разнообразие башен и контрфорсов крепостей и цитаделей Молдавии, очевидно, было обусловлено требованиями рельефа местности, назначением и др. Вместе с тем отмечены черты, объединяющие их и свидетельствующие о том, что при строительстве крепостей и цитаделей Молдавии и ряда других стран использовались одни и те же приемы.

В основу анализа видов башен и подпорок положена их форма. Хотя условность такого анализа в некоторой степени очевидна, все же она

ставляла собой прямоугольник с двумя башнями, расположенными в виде пристройки к средним частям узких сторон этого прямоугольника (см. Г. Д. Смирнов, Хотин. Замок, Київ, 1967).

помогает раскрыть причины их появления, степень распространения и установить их возможные прообразы.

Квадратные или прямоугольные башни, а также аналогичные выступы как элементы, усиливающие устойчивость стен, встречаются почти во всех крепостях Молдавии, за исключением Старого Орхей. Обращает на себя внимание форма квадратных в плане башен цитадели в Сучаве, отличающихся от обычных выступом концов, перпендикулярных к основной стене цитадели. Этот мотив не встречается ни на одном сооружении оборонительного типа Молдавии и, насколько нам известно, ни на одном образце Востока.

Среди башен оборонительных сооружений выделяются две башни трапецевидной формы цитадели в Бендерах. Форма этих башен, очевидно, обусловлена необходимостью увеличения их устойчивости, поскольку, как можно видеть на рисунке, одна сторона башни уже, а другая—по существу основная стена цитадели—шире и толще. Этот пример также мало известен в однотипных сооружениях вообще (рис. 2, 3).

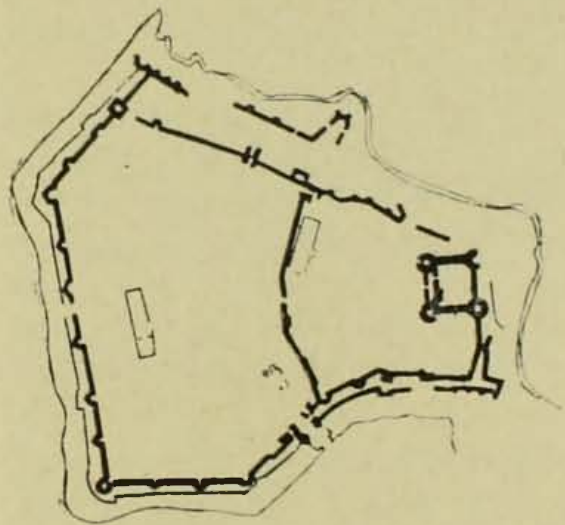

Рис. 2. Белгород-Днестровский
(по Г. Ионеску).

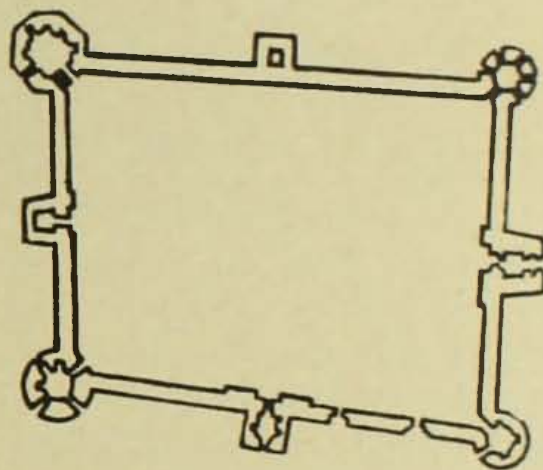

Рис. 3. Бендеры
(по В. А. Войцеховскому).

Наряду с этими видами башен и выступов-подпорок на крепостной линии стен Белгорода-Днестровского можно видеть четырехгранные выступы, представляющие собой как бы шестигранник, разрезанный пополам по середине параллельных сторон. Эта форма совершенно не свойственна оборонительным сооружениям Европы, но известна в зодчестве Киликийской Армении (крепости Корикос, Айас и др.).

При изучении башен следует обратить внимание на две необычные по форме башни на крепостных стенах в Белгороде-Днестровском и цитадели в Бендерах. Эти восьмигранные башни устроены в углах стен и занимают юго-восточные углы соответствующих сооружений. Наличие такой формы в единственном числе, одинаковая ориентация, вероятно, не случайны. Восьмиугольные в плане очертания зданий в древнехристианском мире имели свой смысл. Баптистерии такой формы были наиболее распространены в ранний период христианства. Возможно, в этих

двух башнях имеется одинаковый элемент символического значения. Однотипные башни встречаются в древнеримской архитектуре. Такие башни фланкируют «Золотые ворота» дворца Диоклетиана в Сплите¹⁶.

Предположить, что остатки этого дворца в Сплите могли служить прообразами для башен цитадели в Бендерах, трудно, хотя и допустимо. Однако поиски, которые могли бы позволить в какой-то мере говорить о близости башен в Бендерах и Белгороде-Днестровском, привели нас в Киликийскую Армению, в крепость Ламброн, относящуюся к XI в., которая, по мнению Виктора Ланглуа, является произведением «чисто армянского» происхождения. Об этом свидетельствуют знаки мастеров на камнях стен крепости¹⁷. Примечательно, что единственная восьмиугольная башня Ламброна имеет такую же ориентацию, что и упомянутые сооружения Молдавии. Этот факт, а также и то, что цитадель в Бендерах была построена, как свидетельствует турецкий историк Эвлия Челеби, известным турецким зодчим армянского происхождения¹⁸ Синаном¹⁹, не могут не убедить нас в том, что этому зодчему были хорошо известны приемы возведения крепостных сооружений Ближнего Востока, в частности Киликийской Армении.

Считаем уместным отметить, что восьмиугольные башни встречаются в русской деревянной культовой архитектуре XV—XVII вв. Восьмиугольная площадь церкви использовалась в качестве помещения для молящихся. Поэтому можно предположить, что первоначально первый этаж восьмиугольных башен как в цитадели в Бендерах, так и в крепости Белгорода-Днестровского служил часовней, тем более, что и первый этаж упомянутой нами киликийской башни крепости Ламброн также служил часовней²⁰.

К криволинейным в плане элементам крепостных сооружений Молдавии мы относим башни²¹, которые встречаются на крепостных комплексах Хотина, Сорок, Бенедер, Белгорода-Днестровского, Старого Орхоя, и полые выступы-контрфорсы на стенах Белгород-Днестровской крепости. Общими для всех упомянутых крепостей являются круглые башни цитадели.

Детальное рассмотрение планировочной системы башен и их расположения позволяет выявить некоторые общие черты. Так, независимо от их назначения, круглые башни у двух цитаделей расположены по

¹⁶ См. С. А. Кауфман, Архитектура Римской империи, «Всеобщая история архитектуры», М., 1958, стр. 254, рис. 225.

¹⁷ См. Victor Langlois, Voyage en Cilicie, Paris, 1861, стр. 360.

¹⁸ См. Հ. Խաչատրյան, Ճարտարապետները 300-ամյա գերդաստանը, «Հայրենիք» թիվ 2, 1967.

¹⁹ См. В. А. Войцеховский, Памятники архитектуры Молдавии XIV—XVIII вв. «Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР», М., 1954, № 56, стр. 180.

²⁰ См. Victor Langlois, указ. соч., стр. 360.

²¹ Одни башни расчленены по вертикали на этажи, а другие — полые (Белгород-Днестровский, Сороки, Хотин — этажи; Бендеры — полые).

углам. Такая же аналогия наблюдается в цитадели в Сороках, где четыре башни расположены почти на одинаковом расстоянии по круглому периметру ее стены. Несмотря на то, что расстояние между башнями почти одинаковое, все же необходимо заметить, что башни цитаделей в Сороках и Белгороде-Днестровском отличаются большим диаметром, который почти равен длине участков стен между башнями (рис. 4). Эта

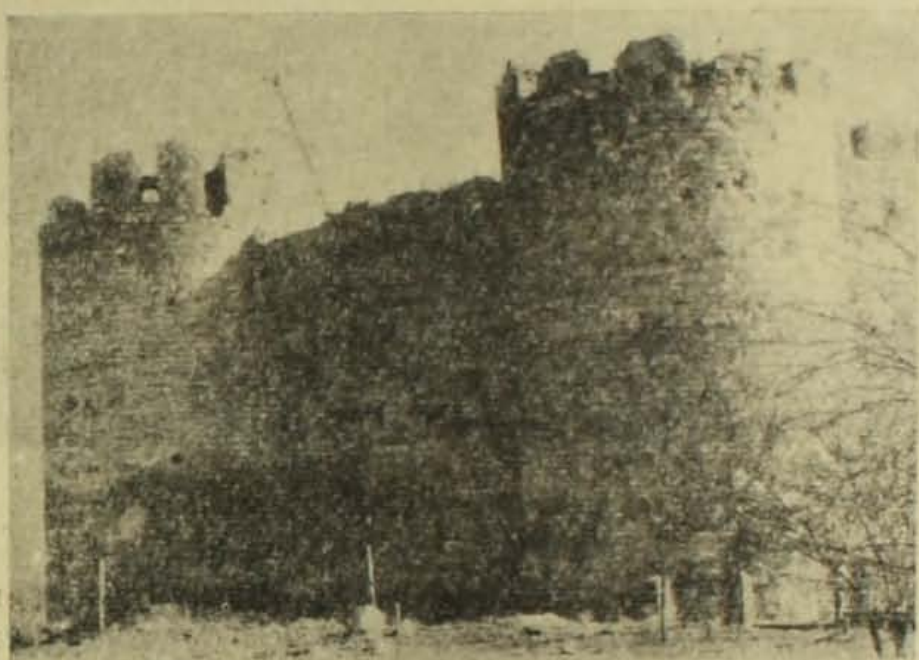

Рис. 4. Сороки, цитадель.

особенность наблюдается и в крепостных сооружениях Закавказья, и в частности Армении (цитадели крепостей в Магасберде, Тигнисе, Амберде, а также Тигранакерте и др.)²². Этими особенностями характеризуются также и некоторые крепости Киликийской Армении (Левонкла, Аназарба, Айас и др.), где искусство возведения из камня горных цитаделей и крепостей достигло наибольшего расцвета²³. Примечательно также, что толщина стен цитадели и башен примерно одинакова (Сороки, Бендеры, Белгород-Днестровский, возможно, Старый Орхей).

Цитадель в Хотине характеризуется как произведение иного направления в оборонительном зодчестве Молдавии, хотя, как мы видели, в общей ее структурной характеристике имеются черты, являющиеся типичными для всех крепостных сооружений (выбор недоступных мест, наличие рвов и др.).

Очевидно, что в общей композиционной структуре цитадели и ее отдельных элементах больше всего отражены особенности памятников

²² См. В. М. Арутюнян и С. А. Сафарян. Памятники армянского зодчества, М., 1955, табл. 80.79, 89.82; «Արմենիայի արվեստ», Երևան, 1971, № 2.

²³ См. О. Х. Халпахчьян, Архитектура Армении, «Всеобщая история архитектуры», т. 3, М., 1963, стр. 277, рис. 116; стр. 278, рис. 117; стр. 280, рис. 121, 122; стр. 298.

оборонительного зодчества, находившихся у северных границ феодальной Молдавии. Об этом свидетельствует архитектура комендантской башни дворца, место расположения различных по диаметру башен и толщина стен, отличающаяся от толщины стен цитадели (рис. 5).

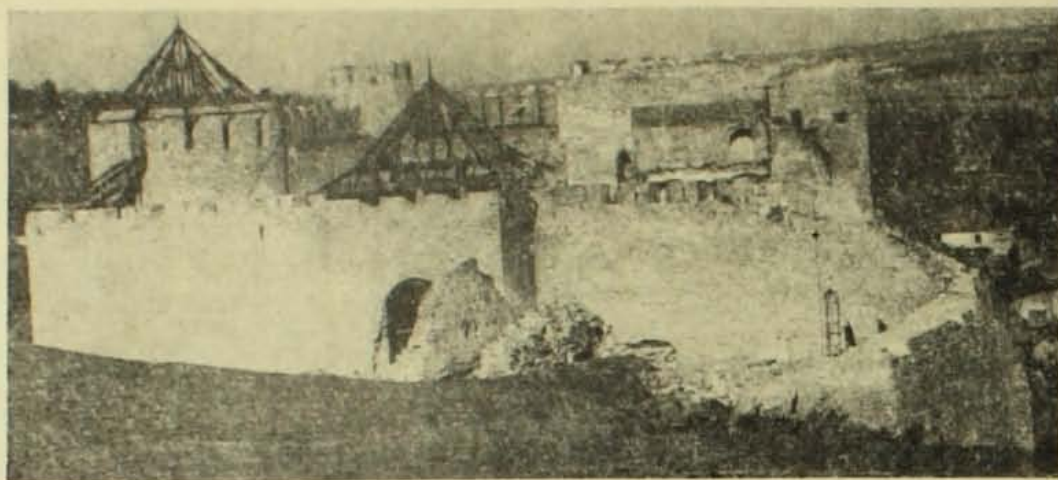

Рис. 5. Цитадель в Хотине.

Наряду с упомянутыми круглыми башнями и выступами-контрфорсами в крепости в Сучаве, в результате ее реконструкции и увеличения площади территории цитадели, была возведена стена с полукруглыми башнями. Наличие таких башен, среди которых одна сплошная, в отличие от прямоугольных цитаделей, вероятно, связано с восточным происхождением мастеров, участвовавших в возведении этих стен и башен. Появление в Сучаве подобных элементов свидетельствует о том, что мастерами-строителями могли быть армяне, которые, как известно, в XVI—XVII вв. населяли город. Эти мастера использовали знакомые им образцы, встречающиеся на ряде крепостных сооружений Армении.

Как можно заметить из проведенного нами анализа, выявляются сходные черты крепостной архитектуры Молдавии, Закавказья и Киликийской Армении, архитектура которой связана корнями с зодчеством исторической Армении, имевшей древние традиции строительства крепостных сооружений (Кармир-блур, Арин-берд, Гарни и др.).

Анализ типологических особенностей молдавских крепостей и подобных им сооружений Закавказья и Киликийской Армении дает возможность заключить, что хотя в различное время (и даже задолго до нашей эры) в практике строительства крепостных сооружений используются одни и те же элементы, тем не менее имеются некоторые черты, которые характеризуют только закавказские и киликийские крепости и встречаются в рассмотренных нами памятниках Молдавии. К их числу относятся: почти геометрические в плане цитадели, угловые башни большого диаметра (Белгород-Днестровский), полукруглые башни (Сучава), близкое расположение башен по отношению к основным стенам цитадели (Белгород-Днестровский), наличие восьмигранных ба-

шен в углах цитадели или крепости и односторонняя ориентация по отношению к площади крепости (Белгород-Днестровский, Бендеры).

Следует отметить, что в крепостях и городах центральной Армении (Амберд, Бджни, Ани) было широко распространено устройство глухих полукруглых башен-контрфорсов. Четырехугольные башни очень редки²⁴.

О близости элементов архитектуры крепостей в Белгород-Днестровском и Армении свидетельствует тот факт, что угловая башня крепости в Белгород-Днестровском, выходящая на сторону лимана, и крепости в Ване «оформлены» шишками (каменными)²⁵, которые, как известно, предназначались для ослабления удара по стенам башни снарядами врага.

Наряду с упомянутыми выше типологическими признаками, на наш взгляд, закавказского или киликийского происхождения, на Белгород-Днестровских крепостных сооружениях можно видеть декоративный мотив, широко распространенный в зодчестве Армении, в частности на ряде памятников Санаинского комплекса. Этот же мотив встречается также в Крыму²⁶, Средней Азии XIV—XV вв.²⁷, Малой Азии²⁸ и представляет собой плетенку, образовавшую параллельные линии и на определенном расстоянии—отдельные круглые или иной формы узлы. Этот мотив встречается в виде обрамления верха оконного проема частично разрушенной башни Белгород-Днестровской цитадели; он же был изображен на обломке (видимо, наличника), извлеченном из кладки северной стены цитадели²⁹. Этот факт дает основание предположить, что до возникновения цитадели на ее территории (или, возможно, на территории, прилегающей к ней) были здания, после разрушения которых их камни и детали были использованы для возведения нынешней цитадели. Появление и широкое распространение этого мотива в зодчестве упомянутых районов Востока позволяет судить о том, что некое старое здание существовало, видимо, в XIV или в начале XV вв., когда была построена цитадель крепости.

Имя Федора, упомянутое на плите, датированной 1440 годом, крепости, является, по-видимому, транспозицией армянского имени Теодороса или Тороса на славянский лад.

²⁴ См. Н. М. Токарский, Архитектура Армении IV—XIV вв., Ереван, 1961, стр. 43, рис. 8; В. М. Арутюнян, Градостроительства древней и средневековой Армении. Автореферат докт. дисс., Ереван, 1964, стр. 34.

²⁵ «Արվեստի պատմություն», 1971, № 2.

²⁶ См. А. Л. Якобсон, Армянская средневековая архитектура в Крыму, «Византийский временник», М.—Л., 1956, VIII.

²⁷ См. Miloš Hrbas-Edgar Knolbach, Die Kunst Mittelasiens, Praha, 1965, стр. 47.

²⁸ См. G. Bals, Influences arméniennes et géorgiennes sur l'architecture roumaine, Văleni de Munte, 1931, табл. 56—58.

²⁹ См. G. Avachiian, Săpăturile dela Cetatea-Albă, Comisiunea monumentelor istorice, Chişinău, 1931, стр. 97, рис. 113.

Наличие в цитадели ряда малых и крупных архитектурных сооружений, в частности трехабсидной часовни их, свидетельствует о том, что они относятся к позднему времени. Несомненно, что упомянутая часовня была возведена во времена молдавских господарей, поскольку этот тип культового здания постоянно фигурирует в списках церквей Молдавии.

ՄՈԼԴԱՎԻԱՅԻ ԱՄՐՈՑՆԵՐԻ ՃԱՐՏԱՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ՄԱՍԻՆ

(Հայկական զուգահեռներ)

Ա. Ն. ԹՈՐԱՄԱՆՅԱՆ (Քիշինև)

(Ա մ փ ո փ ու մ)

Հոգվածում քննարկվում են Մոլդավիայի XV—XVI դդ. ամրոցները՝ Մերձավոր Արևելքի և մասնավորապես Անդրկովկասի ու Կիլիկյան Հայաստանի շարտարապետական հուշարձանների մի շարք գծերի հետ նրանց ունեցած ընդհանրությունների խոնջությամբ։ Բերվում են գրավոր սկզբնաղբյուրների վկայությունները որոշ ամրոցների և միջնաբերդերի ծագման մասին։ Վերլուծվում են Մոլդավիայի ամրոցների ու միջնաբերդերի առանձին տարրերը, հատկապես աշտարակների և կոնտրֆորտների ձևերը։ Մոլդավական ամրոցների և Անդրկովկասի ու Կիլիկյան Հայաստանի նմանօրինակ կառույցների ձևաբանական առանձնահատկությունների հետազոտությունը բացահայտում է այնպիսի գծեր, որոնք բնորոշ են միայն անդրկովկասյան և կիլիկյան ամրոցներին, բայց հանդիպում են նաև Մոլդավիայի պաշտպանական կառույցների քննարկված նմուշների վրա։ Դրանց թվին են պատկանում գրեթե երկրաչափական հատակագիծ ունեցող միջնաբերդերը, մեծ տրամաչափի անկյունային աշտարակները (Բելգորոդ-Պենետրովսկի), կիսաշրջանաձև աշտարակները (Սուչավա), աշտարակների մոտիկ տեղադրությունը միջնաբերդի հիմնական պարսպին (Բելգորոդ-Պենետրովսկի), ութանկյուն աշտարակների առկայությունը ամրոցների ու միջնաբերդերի անկյուններում և ամրոցի հրապարակի նկատմամբ նրանց միակողմանի դրվածքը (Բելգորոդ-Պենետրովսկի, Բենդերի)։